

Q. Cm 132

м: 57245
вн
48 75

БИБЛИОТЕКА
№ 1 с АВГ. 1911 г.
И. М. У.

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублой).

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 Issues — \$3.00.

Отдѣльные номера по 15 ц.

Single copies at 15 cents.

Rev. A. Hotovitzky, Publisher.

15 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

No. 7. Vol. XV. — New York, April 14, 1911, 1 Апрелья 1911 г. No. 7.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Чѣмъ духовный восторгъ выразимъ, какую пѣснь воспоемъ въ этотъ великій, святой день Пасхи?

Воскресенія день, и просвѣтима торжествомъ и другъ друга обнимемъ! Рцемъ, братіе, и ненавидящимъ насъ: простимъ вся воскресеніемъ! и тако возопимъ:

Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣ животъ даровавъ.

Аминь. Аминь. Воистину Христосъ воскресе!

5 АПРѢЛЯ.

5 Апрѣля — праздникъ Епархіи нашей. Въ этотъ день — день Ангела возлюбленнѣйшаго Архипастыря нашего, по всему огромному пространству Миссіи нашей, — и пастырями и пасомыми, вознесены будутъ горячія моленія ко Господу о дарованіи здравія, спасенія и во всемъ благого поспѣшенія Высокопреосвященнѣйшему Владыкѣ-Именнику, Вождю и Первосвятителю Церкви Американской.

МИССИОНЕРСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

29 Марта состоялся отъѣздъ изъ Нью-Йорка въ миссіонерское путешествіе Его Преосвященства Преосвященнѣйшаго Александра, Епископа Аляскинскаго. Послѣ молебствія и братской трапезы, радушно предложенной уѣзжавшимъ Владыкою, напутствованный теплыми словами и искренними благожеланіями Владыки Архіепископа и сонма іереевъ изъ Нью-Йорка и окрестностей и многихъ мірянъ, провожавшихъ Преосвященнаго Александра, Его Преосвященство отбылъ по желѣзной дорогѣ «Лаккаванна» на Чикаго, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ Вербное воскресенье совершить Божественную Литургію въ Миннеаполисѣ и произвести тамъ семестровыя испытанія въ Семинаріи, а вторую половину Страстной седмицы и Свѣтлую седмицу — пробить въ Виннипегѣ и окресть. Позднѣе Владыка Александръ прослѣдуетъ въ Дальнюю Канаду, отсюда въ Сеатли, гдѣ предполагаетъ служить въ день Пятидесятницы, и изъ Сеатли направить апостольскія стопы въ предѣлы своего викариатства, на Аляску.

Богъ да сохранитъ Преосвященнаго путешественника въ трудномъ и опасномъ пути, и да возвратитъ къ намъ здрава и невредима!

Пастырямъ и Пасомымъ

Американской Православной Руси.

Зданіе нашего сиротскаго пріюта, находящееся въ Св.-Тихоновскомъ монастырѣ, переполнено теперь, а между тѣмъ и къ администраціи монастыря и пріюта и ко мнѣ поступаютъ все новыя и новыя прошенія о пріемѣ въ пріютъ сиротъ.

Тѣснота нынѣшняго пріютскаго помѣщенія, крайнія неудобства и полное несоотвѣтствіе его своему назначенію, сырость, ветхость и полуразрушенность зданія заставляютъ грѣхомъ считать дальше держать тамъ опекаемыхъ нами сиротъ.

Необходимо безъ промедленія приступить къ постройкѣ зданія подъ сиротскій прі-

ютъ, вопросъ о чемъ такъ горячо обсуждался и рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ еще на бывшемъ пастырскомъ собраніи въ монастырѣ.

Исходя изъ той мысли, что намъ нечего разбрасываться — имѣть семинарію въ одномъ мѣстѣ, бурсу въ другомъ, монастырь въ третьемъ и проч., ибо отъ этого не польза, а явный вредъ для дѣла, я тогда же рѣшилъ и на томъ стою и сейчасъ, что пріютъ непременно долженъ быть построенъ при Св.-Тихоновскомъ монастырѣ, ибо монастырь и пріютъ давно уже въ народномъ представленіи неразрывно связаны другъ съ другомъ, на

монастырь и приютъ многія жертвы поступали и поступаютъ, да, какъ это всѣмъ должно быть извѣстно, лучшаго мѣста для воспитанія сироты въ доброто челоуѣка нигдѣ и найти нельзя, какъ подъ сѣнью святой Обители, гдѣ ежедневно приносятся безкровная Жертва.

Нельзя считать правдою то, что монастырь живетъ на счетъ приюта, какъ то нѣкоторые говорятъ. Если посчитать молочные и другіе пищевые продукты, пользованье лошадьми и бесплатную прислугу отъ монастыря, то въ результатѣ обнаружится, что не приютъ кормитъ монастырь, а наоборотъ — монастырь какъ-бы для того только и существуетъ, чтобы обелуживать и блюсти интересы приюта. Наконецъ, можно разграничить хозяйства монастыря и приюта и назначить (изъ двухъ, напр., священниковъ и двухъ мірянъ) надъ веденіемъ приютскаго хозяйства самый строгій и неослабный контроль.

Занятый мыслью о постройкѣ новаго приюта, я недавно посѣтилъ Св.-Тихоновскій монастырь, съ цѣлію окончательно выбрать тамъ мѣсто для приюта, чтобы приступить къ постройкѣ его, дабы ко дню отпуста (Dedication Day) приютъ былъ оконченъ хоть бы вчернѣ. Со мной было нѣсколько священниковъ во главѣ съ предѣдателемъ Общества Взаимопомощи о. Коханикомъ и изъ мірянъ г.г. Репа и Пивоварникъ, чиновники нашего Общества. Нѣкоторые священники (о.о. Лахно, напр., Яновскій и др.) и эти двое почтенныхъ мірянъ усердно просили меня строить зданіе подъ приютъ не въ монастырѣ, а въ какомъ-нибудь городѣ, ибо и постройка его, по ихъ словамъ, и дальнѣйшее содержаніе приюта будутъ тогда дешевле, да кромѣ того и народъ весь, якобы, желаетъ видѣть приютъ въ какомъ-нибудь городѣ.

Послѣдняя ссылка остановила меня въ моемъ намѣреніи и я, желая провѣрить, дѣйствительно-ли есть такое желаніе у нашего народа, назначаю со дня объявленія этого моего предложенія чрезъ газету «Свѣтъ» мѣ-

сячный срокъ, въ теченіе котораго вопросъ о мѣстѣ для сиротскаго приюта долженъ быть всесторонне обсужденъ и рѣшенъ на спеціальныхъ приходскихъ митингахъ.

Если большинство голосовъ будетъ за то, чтобы приютъ былъ построенъ не при монастырѣ, а въ какомъ-н. городѣ, и при этомъ будетъ указанъ и этотъ городъ, я готовъ буду согласиться съ этимъ рѣшеніемъ, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ двухмѣсячный срокъ со дня объявленія (снова черезъ газету «Свѣтъ») во всеобщее свѣдѣніе мѣста постройки приюта было собрано не менѣе 7,000 долларовъ на постройку его, — въ противномъ случаѣ, т. е. если будутъ только *говорить* о необходимости постройки приюта не въ монастырѣ, а въ городѣ, то я — безъ объявленія сбора на постройку приюта — изыщу средства для этой постройки въ Св.-Тихоновскомъ монастырѣ, гдѣ и выстрою его.

Самымъ основательнымъ возраженіемъ противъ помѣщенія приюта въ монастырь я считаю то, что въ городѣ вмѣстѣ съ воспитаніемъ можно давать дѣтямъ лучшее образованіе, болѣе соответствующее условіямъ здѣшней американской жизни, — по мы можемъ поставить на должную высоту образованіе дѣтей и въ монастырскомъ приютѣ, — а потомъ, что особенно важно, жизнь дѣтей на томъ просторѣ, которымъ они могутъ пользоваться только въ монастырѣ, ни съ чѣмъ несравнима по своей пользѣ для дѣтскаго здоровья, для физическаго развитія и роста ихъ.

Еще. Г. Репа заявилъ, что если приютъ будетъ строиться въ городѣ, то можно надѣяться, что каждый членъ Об-ва Взаимопомощи дастъ на постройку его по полъ доллара, а то и по доллару. Богъ въ помощь, если это такъ будетъ, — но, повторяю, если ничего не соберутъ, а будутъ только разговоры вести, то я приступлю къ постройкѣ.

Архіепископъ ПЛАТОНЪ.

22 Марта, 1911 г.

Къ вопросу о соединеніи церквей.

On the question on the Union of the Churches.

By His Grace Archbishop Platon.

(Delivered at the Church Club, Philadelphia, Pa., on February 27, 1911.)

Лекція Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго ПЛАТОНА,
Архіепископа Алеутскаго и Сѣверо-Американскаго,
прочитанная 14-27 февраля 1911 г. въ Филадельфійскомъ Церковномъ Собраніи
Епископаловъ.

II.

Если не всё, то многіе изъ васъ читали, конечно, это обращеніе къ вамъ кардинала Гиббонса и я, поэтому, позволю себѣ только напомнить вамъ о немъ. Абсолютно ни одного новаго довода, ни одной новой мысли не высказалъ кардиналъ въ этомъ своемъ обращеніи къ вамъ для обоснованія его. Все то же и все то известное, вмѣстѣ, конечно, со «скалой».

Но почему же я назвалъ это «обращеніе» характернымъ? Назвалъ я его такъ за тотъ тонъ, которымъ римо-католическая Церковь давно уже не говоритъ въ Европѣ. Этотъ тонъ говоритъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ о томъ, что здѣсь, въ вашей странѣ, римо-католицизмъ чувствуетъ себя не такъ, какъ тамъ, въ мѣстахъ своего прежняго господства. Тамъ самъ Пій X-ый скажетъ теперь свое слово и спѣшитъ взять его назадъ, замѣтивъ нахмуренное чело Вильгельма II-го; тамъ теперь слышатся такіе голоса и возможны такія статьи, какъ недавняя статья Максимилиана Саксонскаго. Лично принималъ я у себя въ Россіи этого аббата, бывшаго Саксонскаго принца, и онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка вѣрующаго и искренняго, неспособнаго къ лицемерію и двудушію. Газеты сообщаютъ, что онъ уже принесъ повинную, но я глубоко увѣренъ, что эта повинная — простое соблюденіе приличія, подтверждающее трудное положеніе палскаго престола, которое, конечно, хорошо известно принцу. Единственно, мнѣ думается, поэтому п

If not all, then at least many of you, have certainly read this Address by Cardinal Gibbons; therefore, I shall only permit myself to remind you of it. Absolutely, not a single new argument, not a single new thought did the Cardinal express, to found his Address upon. In it, everything is just the same as ever, just the same as everybody knows it, including, of course, the argument concerning the Rock.

Then why did I call this Address characteristic? I called it so because of its tone, a tone which the Roman Catholic Church has long since dropped in Europe. This tone suggests at least to me that here, in this country, the Roman Catholic Church feels very differently from the way in which it feels in the countries of its formal dominance. In Europe, Pius X himself says his word and then hastens to take it back, noticing Wilhelm II's frown. In Europe, nowadays, voices are heard, and articles have become possible, such as the recent article of Maximilian of Saxony. This Abbe, formerly a Prince of Saxony, called on me personally in Russia, and he impressed me as a man of true faith and sincerity, incapable of hypocrisy or duplicity. The newspapers inform us that he has already offered apologies, but these apologies, I am profoundly convinced, are merely a conformity with etiquette,

единственно изъ за этого онъ и принесъ извиненіе.

Я лично раздѣляю мысли Силлабуса и Энциклики папы Пія X-го, изданныхъ имъ противъ безбожныхъ «модернистовъ», ученіе которыхъ ведетъ прямо къ атеизму. Но принятые мѣры вразумленія противъ аббата Максимилиана Саксонскаго являются ничѣмъ неоправдаваемымъ насиліемъ надъ правдою. Такими мѣрами Піи X-й добьется того, что оставитъ своему преемнику опустошенную римо-католическую церковь. Недаромъ, говорятъ, правленіе преемника Пія X-го обозначено въ пророчествѣ ирландскаго монаха Малахія словами: *religio depopulata*. Быть можетъ, вы, благородные и культурные американцы, скажете, что я говорю въ этомъ случаѣ болѣе повышенно, чѣмъ слѣдуетъ, но вы не станете отрицать того, что я говорю правду, одну правду безъ всякихъ прикрасъ, — если же я говорю такъ о римо-католицизмѣ, то не потому, что не хотѣлъ бы иначе говорить, а потому, что не могу иначе говорить. Испытайте на себѣ то, что испытываетъ отъ нихъ та часть моего родного русскаго народа, которая вступила съ ними въ унию, и вы поймете, почему я помимо воли своей говорю такъ.

Я искренно и убѣжденно говорю, что во всей этой исторіи съ принцемъ Саксонскимъ святая правда только въ томъ, что онъ написалъ, и для слѣплого развѣ не видно, что если сегодня въ римо-католической церкви такихъ аббатовъ единицы, то завтра подобныхъ имъ можно будетъ считать сотнями, а послѣ завтра, быть можетъ, начнутъ таять тѣ миллионы римо-католиковъ, о которыхъ говоритъ кардиналъ Гиббонсъ.

Я не буду говорить объ этомъ большомъ 250-милліонномъ числѣ католиковъ, въ сторону котораго кардиналъ дѣлаетъ такой жестъ; я не буду говорить о нынѣшней Португаліи, Франціи и даже Италиі, гдѣ католичество такъ вывѣтрилось, что возможны стали эти евреи Натаны. Если бы произвести простое арифметическое вычитаніе, и это кардинальское 250-милліонное число католиковъ могло бы

which only further proves the awkward situation of the papal throne, which, of course, is well known to the Prince. Therefore, it seems to me that he offered his apologies solely on that account.

Personally I share the ideas of the Syllabus and the Encyclical of Pope Pius X, which he published against the godless Modernists whose teaching leads directly to Atheism; but the measures taken to bring the Abbe Maximilian of Saxony to his senses are an absolutely unjustifiable violence against truth. All that Pius X will achieve by such measures will be that his successor will be left a devastated Roman Catholic Church. It is said that it is not in vain that the rule of the successor of Pius X is characterized in the prophecy of the Irish monk Malachy by the words *Religio depopulata*. Perhaps you, worthy and cultured Americans, will say that I speak in this case in too high a tone, but you cannot deny that I am speaking the truth without any embellishment; and if I speak in this way about Roman Catholicism, it is not that I would not wish to speak otherwise, but that I cannot speak otherwise. If you only had experienced what that part of my Russian nation which entered into a union with them have had to endure, then you would understand why I cannot help speaking as I do. I am sincerely convinced that in all this incident of the Prince of Saxony, the sacred truth is only in what he wrote, and only a blind man does not see that if to-day Abbots of that kind are only units in the Roman Catholic Church, to-morrow they will be counted by hundreds, and the day after to-morrow, perhaps, the millions of Roman Catholics, of whom Cardinal Gibbons speaks, will begin to melt away.

I shall not talk about the two hundred and fifty million Roman Catholics towards whom the Cardinal makes so large a gesture; I shall not speak of modern Portugal, France, and even Italy, where Roman Ca-

оказаться пожалуй только на бумагѣ. Не стоило бы говорить и о томъ магическомъ, по словамъ кардинала, значеніи слова «римо-католикъ», которое это слово имѣетъ въ глазахъ всѣхъ членовъ этой церкви, такъ какъ эту часть его рѣчи можно считать просто поэтическимъ оборотомъ, тою приправою, которая дѣлаетъ рѣчь интересной. Противъ словъ Гиббонса: «когда бы я ни странствовалъ, какъ пилигримъ и странникъ по лицу земли, я не нуждаюсь ни въ какомъ паспортѣ, чтобы найти радужный пріемъ въ сердцахъ и домахъ моихъ братьевъ о Господѣ» — могъ бы возразить одинъ знаменитый ученый римо-католическій монахъ, который, будучи въ Кіевѣ, не только объявилъ свое имя, но и стучалъ въ сердца своихъ братьевъ по вѣрѣ римо-католиковъ, но нашелъ такой пріемъ въ сердцахъ ихъ и въ ихней церкви, который трудно назвать радужнымъ.

Я говорю объ этомъ случаѣ только потому, что меня въ ту пору буквально поразили безсердечіе и холодность, съ которыми отнеслись къ этому ученому августинцу его единовѣрцы частью за то, что онъ позволялъ себѣ тогда высказывать и проявлять видимое уваженіе къ нашему православію. И я, вспоминая этотъ поразившій меня случай, и зная жизнь римо-католиковъ, какъ она есть, не могу не считать эти слова кардинала только поэтическимъ, какъ говорю, оборотомъ, или, если хотите, метафорой. Нельзя такъ идеализировать слишкомъ прозаичную римо-католическую дѣйствительность.

Дѣйствительно, въ то время, когда жили люди, которые были христіанами не по имени только, а и на дѣлѣ, на мѣстѣ которыхъ числятся себя римо-католики, самая Церковь Христова понималась какъ Братство. Чувство братства достигало тогда такой силы между членами Церкви и той полноты, о которой говоритъ апостоль Павелъ, представляя церковное единство подъ образомъ единства, замѣчаемаго въ организмѣ (Ефес. 4, 15, 16). Какъ въ организмѣ, не смотря на все разнообразіе членовъ его, наблюдается полнѣйшая гармонія, дости-

tholicism has grown so decrepit that men like Nathan, the Jewish Mayor of Rome, have become possible. And so, were a simple arithmetical subtraction to be made, the Cardinal's 250,000,000 Roman Catholics would be shown to exist only on paper. Similarly, it is hardly worth while to speak of the "magical" effect, as the Cardinal calls it, of the name "Roman Catholic," in the eyes of the members of that Church, because this passage of the Address may be considered an instance merely of poetical license, a flavoring, which gives zest to speech. Further, Cardinal Gibbons says: "Whenever I wander as a pilgrim and a stranger over the face of the earth, I need no other passport in order to find a warm welcome and to be received into the hearts and homes of my brethren in the Lord." These words could be disputed by a Roman Catholic monk who is well known as a man of learning and who, staying in Kieff, not only announced his name, but also, knocked, seeking admittance into the hearts of his co-religionists, but met with a reception from both hearts and Church which could hardly be called genial.

I mention this incident merely because, at the time, I was literally amazed at the heartlessness and coldness his co-religionists showed towards this learned Augustinian monk, in part because at the time he allowed himself to show and express evident respect for our Russian Orthodox Church. So, thinking of this striking incident, and knowing the life of Roman Catholics as it is, I repeat that I cannot take the above words of the Cardinal for anything but an instance of poetical license, or, if you prefer, a metaphor. It is not permissible to idealize to this extent the prosaic Roman Catholic actuality.

It is true that, at a time when there were Christians who were so not in word alone, but in deed, whose place the modern Roman Catholics think they fill, the very

гаемая взаимодѣйствіемъ членовъ ея, такъ и въ Церкви должно быть единство, осуществляемое взаимною братскою любовію. Братство во Христѣ императивно требуетъ отъ вѣрующихъ въ Него имѣть миръ и согласіе (Ефес. 4, 31, 32) и тѣснѣйше сплотиться между собою въ одно тѣло — Его Святую Церковь. И вотъ тогда, на зарѣ христіанства, всѣ соединенные узами христіанскаго братства, къ какой бы народности они ни принадлежали, какимъ бы громаднымъ разстояніемъ ни были раздѣлены, дѣйствительно составляли одинъ народъ. Василий Вел., напрямѣрь, пишетъ италійскимъ и галльскимъ епископамъ: «хоть весьма много мы отдѣлены другъ отъ друга мѣстомъ жительства, но по силѣ сего (христіанскаго) союза близки другъ къ другу».

Въ первые вѣка христіанства дѣйствительно на всемъ протяженіи тогдашняго міра христіане жили какъ бы одной семьей, такъ что достаточно было установленнаго знака религіознаго общенія, чтобы всюду пайти самый радужный чисто братскій пріемъ.

Это братолюбіе, этотъ христіанскій принципъ и признакъ истинно христіанской жизни, эта любовь братская, которою вы побудились призвать меня къ себѣ, дѣйствительно призвала меня, нашедши откликъ въ сердцѣ моемъ.

Я явился къ вамъ на вашъ зовъ, мой братъ во Христѣ, и я вижу, что вы сразу приняли меня въ любовь свою, еще и не получая никакого знака религіознаго общенія съ моей стороны. Я христіанинъ и это, очевидно, ключъ въ моихъ рукахъ къ вашему сердцу, ибо сердце ваше охристіанизировано, такъ какъ и вы — христіане, вѣрующіе во Христа и любящіе братьевъ по вѣрѣ въ Него и всѣхъ людей, по заповѣди Его. Въ этихъ своихъ отношеніяхъ къ людямъ вы искренни, въ этихъ отношеніяхъ вашихъ нѣтъ ни тѣни лицемерія, ни тѣни превозношенія и фарисейства, въ этихъ вашихъ отношеніяхъ господствуетъ духъ христіанской кротости и смиренія. Кротость же есть настоящее лицо христіанства, такъ какъ христіанство по всему существу своему антифарисейно. Словомъ, считается такъ, что у римо-като-

Church of Christ was understood as a brotherhood. At that time, brotherly feelings among the members of the Church attained to such power and completeness as St. Paul indicates, when he represents the unity of the Church by the image of the unity which is observed in the human organism (Ephesians IV, 15-16). As in the body, in spite of all the variety of its members, we can observe the most perfect harmony, reached through the interaction of its members, so in the Church there must exist a unity realized through mutual brotherly love. Brotherhood in Christ imperatively demands peace and harmony from those who believe in Him (Ephesians IV, 31-32), and that they should come together in one body, His Holy Church. And at that time, in the dawn of Christianity, all the brotherhoods united by the bonds of Christianity, no matter to what nationality they belonged, no matter by what great distances they were separated, did actually comprise one people. Basil the Great, for example, writes to the Bishops of Gaul and Italy: "Though we are greatly separated from each other because of the places of our abode, by the power of this (Christian) bond we are near each other."

In the early days of Christianity, Christians truly lived as one family, over the whole surface of the known world, so that the established sign of religious communion was sufficient to assure to anyone the most cordial brotherly reception anywhere.

The brotherliness, the Christian principle and sign of the truly Christian life, the brotherly love which moved you to invite me to come to you, did actually bring me, finding a response in my heart. I came in answer to your call, my brethren in Christ, and I see that you have received me into your love, even before receiving any sign of religious communion from me. I am Christian, and evidently this is a key in my hand

...that all men are equal in the sight of God, and that all men are equal in the sight of God, and that all men are equal in the sight of God...

...that all men are equal in the sight of God, and that all men are equal in the sight of God, and that all men are equal in the sight of God...

...that all men are equal in the sight of God, and that all men are equal in the sight of God, and that all men are equal in the sight of God...

...that all men are equal in the sight of God, and that all men are equal in the sight of God, and that all men are equal in the sight of God...

...that all men are equal in the sight of God, and that all men are equal in the sight of God, and that all men are equal in the sight of God...

...that all men are equal in the sight of God, and that all men are equal in the sight of God, and that all men are equal in the sight of God...

The holy fathers of the Eastern Church, especially Saint John Chrysostom, say also lately the same thing concerning the equality of all men. I have quoted the words and fathers of the Western Church especially, to show the attitude towards humanity of the Bishops of the Western Church before it became Roman, and to show what is the attitude of the modern Bishops of the Roman Catholic Church. In their opinion, one must be a Roman Catholic in order to find a final reception in the Church and houses of Roman Catholics. This is a strange opinion, which it is especially hard to admit in everyday Christian practice. It would be different if the word of Cardinal Gibbons could be understood in the substantial sense. In that case, I should entirely agree with him. If a battle needed my help, I would give it to him, so far as was in my power, but in the substantial sense I must disagree even with regard to Roman Catholics the reputation of Saint Paul in his Epistle Titus (III, 10). In this sense, there cannot and there must not be any compromise or compromise.

We of the Roman Catholic Church and the Roman Catholics can have no Church union or communion on the grounds

ликовъ больше, чѣмъ у васъ, нравъ въ вѣрѣ, но, несомнѣнно, у васъ больше, чѣмъ у нихъ, сердца въ вѣрѣ. Поэтому невольно сердцемъ своимъ все поворачивается въ вашу сторону. Явившись къ вамъ, не только не нужно представлять паспорта, но и говорить: «я епископаль», чтобы получить отъ васъ братолюбное вниманіе. Римо-католикамъ, по словамъ кардинала, этого недостаточно. Римо-католики приветствуютъ только своихъ и своимъ оказываютъ тотъ приемъ, о которомъ говоритъ кардиналъ. Отношеніе къ людямъ явно не то, котораго требуетъ отъ насъ наша вѣра во Христа. Самъ Христосъ не зналъ раздѣленія между людьми и намъ заповѣдалъ къ нимъ относиться такъ же. Только, вѣдь, въ древнемъ мірѣ господствовало представленіе о дѣленіи людей на избранныхъ и неизбранныхъ, на призванныхъ господствовать и назначенныхъ къ рабству. Пришелъ Христосъ на землю и такое дѣленіе людей стало невозможнымъ. Спаситель всего человѣчества всѣхъ людей зоветъ къ себѣ, обѣщая покой душамъ ихъ. Одинаково призываетъ Онъ и погибшихъ овецъ дома Израилева (избраннаго народа) и всѣхъ другихъ народовъ: «сестъ у Мевя, говоритъ Христосъ, и другія овцы, которыя не сего двора, и тѣхъ надлежитъ Мнѣ привести: и онѣ услышатъ голосъ Мой, и будетъ одно стадо и одинъ Пастырь» (Іоаннъ X, 16).

Такимъ образомъ въ христіанское время не должно быть различія людей по призванію, какъ нѣтъ его и по природѣ, по происхожденію, ибо Богъ произвелъ весь родъ человѣческій отъ единой крови (Дѣян. XVII, 26). Одно имя чело-вѣка уравниваетъ въ глазахъ христіанина всѣхъ, кто носитъ это имя. Тертуліанъ и Лактанцій разсуждаютъ въ этомъ случаѣ совершенно не такъ, какъ разсуждаетъ кардиналъ Гиббонсъ. «У насъ нѣтъ никакого лицепріятія, единогласно говорятъ они, христіанская справедливость дѣлаетъ въ нашихъ глазахъ равными всѣхъ, кто носитъ имя людей». И блаж. Августинъ говорилъ: «каждый изъ насъ одинаково чело-вѣкъ». Въ твореніяхъ св. Кипріана Карфагенскаго можно вычитать: «всѣ

to your hearts, because your hearts are Christian, as you also are Christian, believing in Christ and loving those who are your brothers in your faith in Him, and all men, according to His commandment. This attitude of yours towards humanity is sincere; in this attitude there is not a shadow of hypocrisy, of self-glorification or phariseism; your attitude is ruled by the spirit of Christian meekness and humanity. And meekness is the true face of Christianity, as Christianity in its very essence is opposed to phariseism.

In brief, it may be generally held that Roman Catholics have more rights in their faith than you, but it is certain that you have more heart in your faith than they.

Therefore all turn their hearts to you. Coming to you, one need not present his passport; he need not even say "I am an Episcopalian," in order to receive brotherly attention from you. But, as Cardinal Gibbons says, this will not do, where Roman Catholics are concerned. Roman Catholics greet only their own, and give only to their own the reception of which the Cardinal speaks. This is evidently not the attitude which our faith in Christ demands from us. Christ Himself made no difference among persons; He commanded us to do the same. The ancient world was ruled by the idea that people were divided into the chosen, and not chosen, into those who were called to be masters, and those who were destined to be slaves. Christ came, and such divisions among men became impossible. The Savior of humanity calls all men to Himself, promising rest to their souls. He calls equally the lost sheep of the house of Israel (the chosen people) and all other nations. "Other sheep I have," says Christ, "which are not of this fold: them also I must bring and they shall hear my voice; and there shall be one fold and one shepherd" (John X, 16).

Therefore, in Christian times there should be no distinction between men as to

люди имѣютъ одинъ жребій при рожденіи, одинъ и тѣже условія смерти, одинаковъ тѣлесный составъ, одинаковое происхожденіе душъ; и равнымъ правомъ по одинаковому закону какъ входятъ въ этотъ міръ, такъ и выходятъ изъ него».

Абсолютно тоже самое говорятъ объ этомъ равноправіи людей и Святые Отцы восточной Церкви, въ особенности Св. Іоаннъ Златоустъ. Я исключительно привелъ взглядъ учителей и Отцевъ Западной Церкви, чтобы показать, какъ смотрѣли на людей епископы той церкви, пока она еще не стала Римской, и какъ смотрятъ на нихъ теперешніе епископы римской церкви. Чтобы найти радушный пріемъ въ сердцахъ и домахъ римо-католиковъ, надо быть, по ихъ взгляду, римо-католикомъ.

Взглядъ странный и трудно допустимый, въ особенности въ христіанской житейской практикѣ. Другое дѣло, если бы можно было понимать эти слова кардинала въ церковномъ смыслѣ. Тогда я былъ бы совершенно согласенъ съ нимъ. Если бы и еретикъ нуждался въ моей помощи, я бы ее оказалъ ему, по силѣ возможности, но въ церковномъ смыслѣ я и въ отношеніи римо-католиковъ долженъ выполнить указаніе ап. Павла, данное имъ своему ученику Титу (III, 10). Въ этомъ случаѣ никакихъ уступковъ и никакихъ компромиссовъ не можетъ быть и не должно быть.

У насъ, православныхъ, съ римо-католиками не можетъ быть не только церковнаго соединенія, но и общенія на той почвѣ и на тѣхъ условіяхъ, которыя вамъ предлагаетъ кардиналъ Гиббонсъ. Вамъ кардиналъ предлагаетъ полное подчиненіе Римской церкви, — точно съ такими же предложеніями эта церковь сотни лѣтъ обращается къ нашей православной восточной церкви, зная, что этого никогда не будетъ и не можетъ быть.

Что сознаніе невозможности такого соединенія церквей имѣется и въ Римской церкви, это вышукло выразилъ принцъ Максимилианъ Саксонскій, статья котораго о соединеніи церквей между прочимъ опровергаетъ и это предложеніе кардинала Гиббонса.

calling, as there is none as to nature and origin, for "God hath made all nations of men of one blood" (Acts XVII, 26). The title of man alone makes all equal in the eyes of the Christian. Tertullian and Lactantius argue in this case quite differently from Cardinal Gibbons: "We are no respecters of persons," they say alike; "Christian justice makes equal in our eyes all who are called men." And Saint Augustine said "each of us is equally a man." We may find in the works of Saint Cyprian of Carthage: "All men have the same lot at their birth, the same condition of death, the same bodily structure, and the same origin for their souls, and with the same right and the same law they enter this world and leave it."

The holy fathers of the Eastern Church, especially Saint John Chrysostom, say absolutely the same thing concerning this equality of all men. I have quoted the teachers and fathers of the Western Church exclusively, to show the attitude towards humanity of the Bishops of the Western Church before it became Roman, and to show what is the attitude of the modern Bishops of the Roman Catholic Church. In their opinion, one must be a Roman Catholic in order to find a kind reception in the hearts and homes of Roman Catholics. This is a strange opinion, which it is especially hard to admit in everyday Christian practice. It would be different if the word of Cardinal Gibbons could be understood in the ecclesiastical sense. In that case, I should entirely agree with him. If a heretic needed my help, I would give it to him, so far as was in my power, but in the ecclesiastical sense I must observe even with regard to Roman Catholics the injunction of Saint Paul to his disciple Titus (III, 10). In this sense, there cannot and there must not be any concessions or compromises.

We of the Russian Orthodox Church and the Roman Catholics can have no Church union or communion on the grounds

Соединеніе церквей восточной и западной этотъ аббатъ понимаетъ въ смыслѣ братства ихъ между собою, какъ совершенно равныхъ въ правахъ и достоинствѣ, на основаніи того ученія и церковнаго устройства, какія существовали до раздѣленія церквей и отъ которыхъ отступила Римская церковь.

«Забываютъ, говорить онъ, исторію и даже не знаютъ, что было въ древности. Вотъ почему хотять создать для восточной церкви положеніе, котораго она никогда не имѣла. Церковное устройство, существующее теперь, различно отъ того, какое существовало въ древности. Господь даровалъ привилегію Св. Петру, однако мы не встрѣчаемъ и слѣда подчиненія ему Св. Павла. Наоборотъ, послѣдній считаетъ себя безусловно равнымъ ап. Петру братомъ, и даже хвалится тѣмъ, что обратился съ упрекомъ къ Петру. И католическая церковь въ дѣйствительности въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ не была монархіей. Каждый епископъ свободно управлялъ своей епархіей. Съ IX-го вѣка западная церковь сдѣлалась монархіей и стала походить на государство, раздѣленное на провинціи. Римскій епископъ сдѣлался непосредственнымъ начальникомъ всѣхъ епископовъ. Всѣ церковныя дѣла должны были рѣшаться въ Римѣ. Система эта частію получила свое начало отъ декреталій Лжеисидора, явившихся въ эту эпоху. Она послушила одною изъ главныхъ причинъ, вызвавшихъ раздѣленіе церквей», — такъ пишетъ римо-католическій аббатъ, а кардиналъ Гиббонъ признаетъ «единство правленія въ лицѣ папы не менѣе существеннымъ въ Церкви Христовой, чѣмъ единство догматовъ», и настаиваетъ на полномъ подчиненіи вашему папѣ, доказывая необходимость этой власти въ Церкви Христовой ссылками на Слово Божіе. Между тѣмъ принцъ-аббатъ тенденціозность этихъ ссылокъ и отрицаетъ. «Малѣйшими свидѣтельствами о какомъ либо авторитетѣ римскаго епископа, пишетъ онъ, пользовались (въ Римской Церкви) какъ доказательствами догмата о цриматствѣ, какъ онъ содержится нынѣ. Никогда не различаютъ, а беззаботно отождествляютъ тексты,

and under the conditions which Cardinal Gibbons offers to you. He offers to you complete subjection to the Roman Church; and his Church has, for many centuries, addressed the same offers to our Eastern Orthodox Church, knowing that this cannot be and will never be.

That the idea of the impossibility of such a union exists in the Roman Church also, has been graphically expressed by Prince Maximilian of Saxony, whose article on the union of the Churches, amongst other things, excludes the possibility of the offer made by Cardinal Gibbons. The Abbe Maximilian understands the union of the Eastern and Western Churches in the sense of a brotherhood between them, as equal in rights and in dignity, on the basis of the teaching and Church government which existed before the separation of the Churches, and which the Roman Church set aside.

He says: "People forget history, and do not even know what was in antiquity. This is why they seek to create for the Eastern Church a position which it never held. The Church order now existing differs from that which existed in antiquity. The Lord granted privileges to Saint Peter, yet we never find any traces of Saint Paul's subjection to him. On the contrary, Paul considers himself to be absolutely Peter's equal and brother, and even boasts of having reproached Peter. And in reality for several centuries the Catholic Church was not a monarchy. Each Bishop freely governed his diocese. But from the ninth century the Western Church became a monarchy and grew to be like a state divided into provinces. The Bishop of Rome became the immediate superior of all Bishops. All Church questions had to be decided at Rome. This system in part owed its origin to the Decretals of the Pseudo-Isidore, which appeared about this time. This was one of the chief reasons which brought about the separation of the Churches." Thus writes the Roman

вовсе недогматическіе, съ самымъ догматомъ. Этимъ очень облегчаютъ себѣ задачу, но не разрѣшаютъ трудностей и даже не замѣчаютъ. Вѣдь есть большая разница между властью, существующей фактически, и ученіемъ о томъ, что эта власть установлена самимъ Богомъ и составляетъ необходимый фундаментъ Церкви. И однако въ политикѣ эти двѣ вещи абсолютно отождествляются.»

Трудно дать лучшей отвѣтъ, чѣмъ этотъ, который даетъ римскій аббатъ кардиналу своей же церкви. Но Гиббонсъ поступаетъ очень просто: опредѣливъ единство Церкви, какъ единство управленія въ ней, онъ беретъ рядъ мѣстъ изъ Слова Божія, подтверждающихъ эту мысль. Но, во первыхъ, эти мѣста могутъ быть истолковываемы и толкуются иначе; есть, да-лѣе, другія мѣста, которыя опровергаютъ это положеніе и о которыхъ онъ не упоминаетъ, и кромѣ того, что собственно и есть самое главное, онъ даетъ совсѣмъ неправильное понятіе о единствѣ Церкви. При такомъ понятіи церковь трактуется какъ мірское, плотское общество людей, и вниманіе исключительное обращается не на вѣру нашу, а на внѣшнее управленіе обществомъ. А между тѣмъ, вѣра спасаетъ потому, что она есть жизнь не плотскаго, а духовнаго человѣка, который находитъ себя только въ Богѣ. Выходя изъ глубины духа человѣческаго, она направляется къ конкретному идеалу въ лицѣ Спасителя. Въ Иисусѣ Христѣ вѣра находитъ источникъ вѣчной жизни для человѣка (Іоан. XV, 5). Спаситель озаряетъ человѣческую душу и отвѣтъ, стуча у дверей сердца человѣческаго (Откр. III, 20), а человѣкъ, путемъ самопознанія приходя въ себя, отвѣчаетъ раскрытіемъ своего духа и соединеніемъ его со Христомъ, чѣмъ и совершается дѣло Божіе (Іоан. VI, 29). Такъ въ душѣ человѣка вселяется Самъ Христосъ и жизнь уже является жизнью Христа въ немъ (Гал. II, 19-20). Это есть жизнь вѣры христіанской. Объ этой жизни говоритъ ап. Петръ, когда напоминаетъ христіанамъ, что они соблюдаютъ ко спасенію силою Божіею чрезъ вѣру (Петр. I, 5). Эта вѣра и служитъ кам-

Catholic Abbe; and Cardinal Gibbons claims that unity of government in the person of the Pope is in no way less substantial for the Church of Christ than unity in doctrine, and insists on your complete subjection to the Pope, proving the necessity of his rule in the Church of God by quotations from the word of God. Nevertheless the Prince Abbe shows clearly how these quotations are colored. He writes: "The least indications of any authority exercised by the Bishop of Rome were used as proofs of the dogma of supremacy as it is held now. They do not discriminate, but carelessly identify texts which are not in the least dogmatical with the dogma itself. By this they greatly facilitate their task, but they do not solve difficulties, and do not even notice them. Of course there is a great difference between an authority which exists in fact, and the doctrine that this authority was established by God Himself, and forms the necessary foundation of the Church. Nevertheless, in politics these two things are absolutely identified."

It would be hard to find a better answer than the above, given by a Roman Catholic Abbe to a Cardinal of the same Church. But Cardinal Gibbons acts very simply. Having defined the unity of the Church as unity of government, he takes a series of passages from the Word of God which confirm this idea. But, first, these passages can be, and are, interpreted differently; secondly, there are other passages which overthrow this thesis and which the Cardinal does not mention; and, more than this, what is most important of all, he gives a perfectly wrong idea of Church unity. This idea deals with the idea of the Church as a worldly, material community of human beings, and it pays its exclusive attention not to our faith, but to the exterior government of this society. Yet faith saves, only because it is the life not of the material man, but of the spiritual man, who finds himself in God alone. Coming out of the depths of the human spirit, faith is di-

немъ, лежащимъ въ основаніи нашего спасенія, — на ней зиждется непоколебимое существованіе Церкви Христовой въ мірѣ (мѣ. XVI, 18). Какъ постоянное пребываніе духа человѣческаго въ тѣнѣйшемъ общеніи съ Богомъ, въ-ра дѣлаетъ человѣка неуязвимымъ совнѣ (Мѣ. VII, 24-25).

Отдѣльная личность въ христіанствѣ вступаетъ такимъ образомъ въ такую сферу, въ которой она развивается на духовномъ пути богоуподобленія, — богоуподобленіе это совершается въ свободѣ, потому что «гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода» (II Кор. III, 17), и въ любви, потому что «отъ Бога идетъ любовь» (I Иоан. IV, 7) и Самъ Богъ есть Любовь (I Иоан. IV, 8). По любви къ Богу христіане любятъ и другъ друга и эта взаимная любовь христіанъ является главнымъ жизненнымъ первымъ, который, соединяя ихъ въ одно цѣлое, приводитъ и удерживаетъ ихъ въ единствѣ съ Богомъ во Христѣ Иисусѣ (Иоан. XVII, 21).

Въ этомъ и заключается единство Церкви Христовой, а не въ томъ, конечно, что во главѣ Ея видимо могъ бы стоять Римскій епископъ.

Она едина, потому что въ Ней обитаетъ Духъ Святыи и Она живетъ отношеніемъ къ Богу во Христѣ. Гиббонсъ говоритъ, что Самъ Спаситель сказалъ, что Его Церковь, составленная изъ многихъ членовъ, должна быть объединена въ одной высшей видимой главѣ, которой они должны повиноваться. Церковь сравнена съ виноградной лозой, всѣ вѣтви которой, хотя растутъ широко и въ разныхъ направленіяхъ, необходимо соединены въ общемъ стеблѣ и отъ него питаются. Стеблемъ этимъ Гиббонсъ считаетъ папу Римскаго. Мы же это мѣсто Св. Евангелія (Иоан. XV, 1-5) понимаемъ такъ, что Церковь едина подобно тому, какъ виноградныя вѣтви едины съ лозой, — едина потому, что сокъ Христовой жизни вливается въ Нее, и поэтому, и только поэтому, пребываніе въ союзѣ со Христомъ, Который Единъ есть Источникъ жизни временной и вѣчной, есть условіе пребыванія въ единствѣ Церкви. Поэтому, ап. Павелъ единство Церкви ставитъ въ зависимость не отъ подчиненія одному

rected to a concrete ideal in the person of the Savior. In Jesus Christ, faith finds the source of eternal life for man (John, XV, 5). The Savior lights up the human soul from without also, knocking at the door of the human heart (Revelation, III, 20), and man, coming to himself by means of self-knowledge, answers by opening his spirit and joining it to Christ, whereby the work of God is accomplished (John, VI, 29). Thus Christ Himself comes to dwell in the soul of man, and his life becomes the life of Christ in him (Gal. II, 19-20). This is the life of the Christian faith. Saint Peter means this life, when he reminds Christians that they are made ready for salvation by the power of God through faith (I Peter, I, 5). This faith is the stone which lies at the foundation of our salvation; on it reposes the immovable existence of the Church of Christ in the world (Matthew XVI, 18). Faith, since it is the constant dwelling of the human spirit is closest communion with God, makes invulnerable from without (Matthew, VII, 24-25).

Thus, in Christianity, the separate individuality enters a sphere in which it develops on the spiritual path of conforming to the likeness of God. This growing into the likeness of God is accomplished in freedom, because "where the spirit of the Lord is, there is liberty" (II Cor., III, 17), and in love, because love comes from God and God Himself is love (I John, IV, 7-8). In the measure of their love to God, Christians love each other, and this mutual love among Christians is the chief vital nerve, which, uniting them into a single whole, leads them, and keeps them at one with God in Jesus Christ (John, XI, 1).

In this is the unity of the Church of Christ, and certainly not in the fact that the Bishop of Rome may visibly stand at its head. It is one, because the Holy Spirit dwells in it, and because it lives by communion with God in Christ. Cardinal Gibbons

вышнему управленію, а отъ приобщенія той пици, которая есть жизнь Христа (I Кор. X, 14-17). Приобщаясь отъ единого хлѣба, мы становимся однимъ Тѣломъ, главою котораго обыкновенный смертный и грѣшный человекъ — римскій папа быть не можетъ, да у этого Святѣйшаго Тѣла есть Глава — Христосъ (Еф. IV, 13-16).

Притомъ-же, такъ какъ Богъ есть Богъ не только живыхъ, но и умершихъ, такъ какъ Церковь земная не можетъ быть отдѣлена отъ Церкви небесной, то видимая глава въ Церкви даже и недопустима, немислима. Двухъ мнѣній на этотъ счетъ быть не можетъ, но римо-католики имѣютъ свое особое и всегда такъ усиленно, какъ теперь кардиналь Гиббонсъ, даютъ вѣчному Тѣлу Христову — Церкви Его — временную главу — Римскаго папу, хотя противъ нихъ свидѣлствуютъ въ этомъ и Отцы Западной же Церкви. Св. Киприанъ Карфагенскій говоритъ, на примѣръ: «въ этомъ таинствѣ (Св. Евхаристіи) нашъ народъ является объединеннымъ, такъ что, какъ многія зерна, собранныя, смолотыя и смѣшанныя вмѣстѣ, образуютъ одинъ хлѣбъ; такъ и во Христѣ, Который есть небесный Хлѣбъ, мы можемъ познать, что въ Немъ есть одно Тѣло, которымъ все наше число связывается и объединяется».

«Глава, говоритъ блаж. Августинъ, есть Самъ Нашъ Спаситель, пострадавшій при Понтіи Пилатѣ, Который теперь, послѣ того, какъ Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, сидитъ одесную Бога Отца, а Тѣло Его есть Церковь, не та или другая церковь, а Церковь разсѣянная по всему міру, не только та, которая существуетъ между еще живущими людьми, но къ ней принадлежатъ и всѣ, которые были прежде насъ и будутъ послѣ насъ до конца міра. Ибо вся Церковь, состоящая изъ всѣхъ вѣрующихъ, такъ какъ всѣ вѣрующіе суть члены Христовы, имѣетъ свою Главу, находящуюся на небесахъ, Которая управляетъ этимъ тѣломъ; хотя Она отдѣлена отъ ихъ взора, однако Она связана съ ними любовію».

Такъ думаютъ и такъ учатъ объ этомъ предметѣ нашей вѣры вмѣстѣ съ блаж. Авгу-

says that the Savior himself has said that His Church, composed of many members, must be united in one supreme visible head, whom all must obey. The Church is compared to a vine, all the branches of which, through growing far apart and in different directions, are united in one common stem from which they draw their nourishment. Cardinal Gibbons takes the Pope to be this stem. But among us this passage of the Holy Gospel is understood thus: the Church is one as the branches of the vine are one with the stem, because the sap of Christ's life pours into it, and solely for this reason, a dwelling in union with Christ, Who is the only source of life, temporary and eternal, is the condition of remaining within the unity of the Church. Therefore Saint Paul places the unity of the Church in dependence, not on any exterior government, but on a partaking of that food which is the life of Christ (I Cor., X, 14-17).

Partaking of one bread, we become one body, the head of which cannot possibly be any mere mortal and sinful man, who is Pope of Rome; moreover, this most holy Body has a Head, "even Christ Himself" (Ephesians, VI, 13-16).

Besides, as God is not the God of the living only, but of the dead also, as the earthly Church cannot be separated from the heavenly Church, that the Church should have a visible Head is inadmissible and unthinkable.

There is no room for difference of opinion on the subject. Nevertheless, Roman Catholics have a separate opinion of their own and are always as decided as Cardinal Gibbons is in the present instance, in supplying the eternal Body of Christ, which is His Church, with a temporary Head, who is the Pope of Rome, though the Fathers of their own Western Church bear witness against them. For example, Saint Cyprian of Carthage says: in this sacrament (the Eucharist) our people become united; so

стиномъ всѣ Отцы и лучшіе ортодоксальные и даже римо-католическіе комментаторы Слова Божія, и такимъ образомъ латиняне, отстаивающіе эту идею видимой главы въ Церкви, отстаиваютъ идею некаатолическую, хотя и считаютъ себя католиками.

Это ученіе о главенствѣ папы никогда не было вселенскою вѣрою, содержимой *ubique, semper ab omnibus*.

На этомъ о данныхъ притязаніяхъ латинянь мнѣ и слѣдовало бы остановиться, тѣмъ болѣе, что времени въ моемъ распоряженіи мало, а сказать мнѣ хотѣлось бы болѣе того, что я сказалъ, и тѣмъ болѣе, что притязанія эти богословскою наукою всесторонне разсмотрѣны, обсуждались и неопровержимо опровергнуты. Многое и весьма многое можно бы сказать, но ничего новаго и ничего нибудь болѣе доказательнаго не скажешь. Но мнѣ еще хотѣлось бы сказать кардиналу Гиббонсу, что Христосъ Спаситель говорилъ о скалѣ, а не о скалахъ, потому что говорилъ и могъ, очевидно, говорить аи. Петру только о вѣрѣ его, а не о вѣрахъ, — хотѣлось бы еще добавить и то, что и въ самой римской церкви если и есть эта голова такъ только дѣйствительно *видимая*, есть только иллюзія головы, а не настоящая, дѣйствительная голова. Управляетъ, вѣдь, римо-католическою церковью не Пій X-ый, а Мери-дель-Валь, его секретарь, и курія. Папа Пій X-ый добродушно признается, что онъ всегда бываетъ очень доволенъ докладами, составленными кардиналомъ Рамполлою, и всегда готовъ подписывать ихъ, не читая. Причемъ же тутъ необходимость папы, какъ видимой главы Церкви Христовой? Всѣ же видятъ и всѣ знаютъ, что изъ итальянцевъ подбирается въ римской церкви всегда большее количество кардиналовъ, чтобы было обезпечено избраніе на папскій престолъ непременно итальянца. Неужели "*infallibilitas ex cathedra*" наиболѣе присуща латинской крови? Да и эта "*infallibilitas*"?! Исторія знаетъ и говоритъ о такихъ лицахъ, занимавшихъ папскій престолъ, что говоритъ

that, as many grains gathered, ground and mixed together, form one bread, in the same way we may recognize that in Christ, Who is the heavenly Bread, there is one Body, in which all the number of us are bound and united. St. Augustine says: the Head is our Savior Himself, Who suffered under Pontius Pilate, Who, since He rose from the dead, sits at the right hand of God the Father, and His Body is the Church, not this or that Church, but the Church which is scattered all over the world not only that which exists among men who are still living, but also that to which belong all who were before us and shall be after us, to the end of the world. Because the whole Church, (composed of all who believe, as all who believe are members of Christ), has its Head, Who is in Heaven, who rules this Body, and Who, though separated from their sight, is bound to them by love.

This is the belief and teaching, concerning this matter of our faith, of all the Fathers of the Church, including Saint Augustine, and the best and most orthodox commentators on the Word of God, even among Roman Catholics. Consequently, the Latins who defend the idea of the visible head of the Church are defending a non-Catholic idea, though they think themselves Catholics.

The teaching of the headship of the Pope was never a subject of ecumenical faith, held *ubique, semper ab omnibus*.

This should suffice for the discussion of the claims of the Latins; the more so, that I have but little time at my disposal, and should like to say more than I have said; and yet the more, because these claims have been examined from every side by theological science, have been discussed and rejected irrefutably. Very much might be said; but there is nothing new or more convincing to say.

Yet I should wish to say to Cardinal Gibbons that Christ, our Savior, spoke of

объ ихъ непогрѣшимости хотя бы и ex cathedra, значило бы кощунствовать. Въ лукавую душу не входитъ премудрость и не обитаетъ она въ человѣкѣ, поработенномъ грѣху (Прем. I, 2-3). Мы же знаемъ, что въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ каждый папа, при вступленіи на престоль, осуждалъ вмѣстѣ съ еретиками такихъ папъ, какъ Либерій и Гонорій. Св. Ипполитъ сильно порицалъ своего современника папу Каллиста, какъ разрушителя церковной дисциплины и даже ересиарха ex cathedra (Ньюманъ). Мы знаемъ, что бывало въ римской церкви одновременно по два и по три папы. Тогда, значитъ, Церковь Христова была съ тремя головами? Интересно спросить бы римо-католиковъ и о томъ, что бываетъ съ ихнею церковью, когда папа — глава ея — умираетъ? Ни одно существо безъ головы жить не можетъ, — значитъ, римская Церковь со смертью каждаго папы умираетъ, обращается въ трунъ, и съ избраніемъ новаго папы воскресаетъ?... Къ такимъ жизненнымъ абсурдамъ логически приводитъ римскую церковь идея главенства папы, — а между тѣмъ эта идея есть алфа и омега жизни римской церкви и религіознаго сознанія и пониманія какъ самыхъ простыхъ членовъ ея, такъ и такихъ, какъ кардиналь Гиббонсъ включительно.

Гиббонсъ предлагаетъ вамъ, епископалы, подчиниться римской церкви, которую превозносите за ея благоустройство, вашъ же землякъ Бригъ держится на этотъ счетъ совершенно другаго мнѣнія. «Греческая Церковь, говоритъ онъ, имѣетъ за собою великую Русскую Имперію, протестантизмъ имѣетъ за собою самыя сильныя націи въ мірѣ; католическія націи сравнительно слабы и двѣ изъ нихъ самыхъ главныхъ — Франція и Италия въ открытой войнѣ съ папствомъ, — подобное можно замѣтить и въ другихъ католическихъ націяхъ (теперь, скажемъ отъ себя, тоже происходитъ въ Испаніи и Португаліи). Крайнія требованія папъ ослабили силу ихъ справедливыхъ требованій. Если въ Америкѣ католичество сильно, то потому, что здѣсь оно

the Rock, and not of rocks, for the reason that he spoke, and obviously could only speak to Saint Peter, of his faith, and not of his faiths. I should like to add that, if there be a head in the Roman Church, it is but an apparent one, only the illusion of a head, and not the real, true Head at all. For it is known that the Roman Catholic Church is not ruled by Pius X, but by Cardinal Marry del Val, the papal Secretary, and by the Curia. Pope Pius X very goodnaturally acknowledges that he is always perfectly satisfied with the reports Cardinal Rampolla composes for him, and is always willing to sign them without reading them. Where, then, is the need of a Pope, as the visible head of the Church of Christ. Everyone sees, and everyone knows that the great majority of the Cardinals are chosen from among the Italians; so that the election of an Italian for the papal throne may be assured. Is the *infallibilitas ex cathedra* most akin to the Latin race? And this *infallibilitas*?! History records such tenants of the papal throne that, to speak of their infallibility, even though it be *ex cathedra*, would amount to blasphemy. "Wisdom will not enter into a crafty spirit, nor will Wisdom dwell in a body that is subject to sin" (Wisdom, I, 4).

We all know that, century after century, every Pope who ascended the throne condemned such Popes as Liberius and Honorius along with heretics. Saint Hippolitus greatly blamed his contemporary, Pope Callixtus, as a destroyer of Church discipline, and even an originator of heresy *ex cathedra* (vide Cardinal Newman). We know that there have been times when the Roman Church had two or even three Popes at a time. Had the Church of Christ three heads? And it would be interesting to ask Roman Catholics what becomes of their Church when the Pope, its head, dies. No creature can live without a head. Does the Roman Church, then, die at the death of ev-

доселѣ не выступало съ своими крайними требованіями». Даже и нѣкое управленіе, по мнѣнію Бригса, недостаточно хорошо организовано. «Не папа рѣшаетъ, а конгрегации, изъ которыхъ состоитъ администрація римской церкви. Всякому извѣстно, что конгрегации составлены главнымъ образомъ изъ итальянцевъ, которые смотрятъ на все съ своей итальянской точки зрѣнія, не отрѣшаясь отъ особенностей своей расы, національности и итальянскаго воспитанія. Вопросъ не въ папѣ, а въ кардиналахъ и другихъ, кто управляетъ въ Римѣ... вопросъ не о правѣ папы, но о правѣ куріа, чернаго папы, краснаго папы, и малыхъ папъ всякаго цвѣта и формы, управляющихъ дѣлами церкви съ тираніей, о которой папа и не подозреваетъ. Эти совѣтники папъ не по ихъ выбору, а остатки прежняго правленія, и соблюдаютъ скорѣе свои интересы, чѣмъ церковныя, часто прямо и косвенно противясь его политикѣ и враждебно относясь ко всякой реформѣ» (Church Unity). Такой строгій приговоръ дѣлаетъ американецъ-протестантъ надъ тѣмъ, что американецъ-католикъ восхваляетъ, какъ идеальное.

Нѣтъ, римской церкви, прежде чѣмъ предлагать другимъ церквамъ подчиненіе ей, надо оставить свои заблужденія и отказаться отъ ни на чемъ неоснованныхъ притязаній. Римско-католическому же духовенству надо быть добрѣе въ своихъ отношеніяхъ къ членамъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и справедливѣе во взглядахъ на эти вѣроисповѣданія. Среди вѣрующихъ во Христа нѣтъ и не можетъ быть дѣленія на бѣлую и черную кость. Это въ особенности должны помнить лица священнаго сана, которымъ сказано: «священники облечутся въ правду». Священникъ — выразитель въ жизни Христовой любви и идей вѣчной Истины, — такимъ онъ долженъ быть всегда, бесѣдуетъ ли съ церковной каедрой или частно, пишетъ ли ученый трактатъ или помѣщаетъ въ газетѣ замѣтку. Къ сожалѣнію, мы, русскіе

every Pope, becoming a corpse, and then rising from the dead when a new Pope is elected?

The idea of papal supremacy logically involves the Roman Church in these complete absurdities. Yet this idea is the alpha and omega of the life of this Church, and of the religious consciousness and understanding of its humblest members as well as of such as Cardinal Gibbons.

Members of the Episcopalian Church, Cardinal Gibbons invites you to become subject to the Roman Church, which he praises so highly for its order. Your compatriot, Dr. Briggs, holds a very different opinion on this subject.

Here is what he says: "The strength of the separated Christian Churches has greatly increased since the sixteenth century. The Greek Church is no longer in that terrible crisis which in the fifteenth century compelled the Greek Emperor to seek reconciliation with Rome, it has the great Russian Empire at its back. The Protestant bodies no longer are on the defensive in ruinous religious wars, they have the three most powerful nations in the world on their side, Germany, Great Britain and the United States. The Catholic nations are all feeble in comparison, and two of the most important of these, France and Italy, are in open war with the papacy, in which the majority of voters, nominally Catholic, are arrayed against the authorities of their own Church; and in several other Catholic nations the incipient stages of a similar conflict are easy to be seen." (Christian Unity, p. 421).

In the opinion of Dr. Briggs, even the administration of the papacy is very imperfectly organized:

"It is not the Pope himself who makes the decisions, but the Congregations into which the Roman administration is organized.... These Congregations are composed,

православные, не можемъ сказать, чтобы латинскіе патеры въ своихъ отношеніяхъ къ намъ и въ своихъ отзывѣхъ о насъ были, по крайней мѣрѣ, безпристрастны. Я не стану ни обвинять никого, ни нападать на кого либо, — это не наша специальность. Намъ суждено всегда только защищаться. Только два-три защитительныхъ слова и я позволю себѣ сказать сейчасъ.

Въ Декабрѣ прошлаго года я ѣздилъ въ Канаду и, между прочимъ, былъ въ Монреальѣ. Тамъ я имѣлъ бесѣду съ нашимъ русскимъ консуломъ г. Струве, который сообщилъ мнѣ, что во время римо-католическихъ юбилейныхъ торжествъ въ Монреальѣ онъ привѣтствовалъ кардинала Ванутели и слышалъ отъ него самыя теплыя слова благодарности къ русскому правительству за его всегдашнее строго корректное отношеніе къ русскимъ римо-католикамъ. На вопросъ консула — «можетъ ли онъ сообщить эти слова своему правительству?» кардиналъ отвѣтилъ: «пожалуйста, прошу». Консуль, по его словамъ, написалъ объ этомъ въ Россію. Мы, русскіе, всё вообще держимся того взгляда, что духовному лицу нельзя не вѣрить, и панъ консуль — глубоко религіозный человекъ — съ благоговѣніемъ принялъ и передалъ слова этого кардинала — князя Римской церкви своему правительству. Но какое же пережилъ бы онъ разочарованіе, если бы прочиталъ то, что мнѣ пришлось прочитать на-дняхъ въ здѣшней, издающейся у васъ въ Филадельфій, газетѣ «The Catholic Standard and Times» въ замѣткѣ подъ заглавіемъ: «Католическое духовенство преслѣдуется въ Россіи». Преслѣдуетъ его наше правительство, которое, по словамъ замѣтки, мѣшаетъ соединенію церквей. «Дѣйствительная трудность возсоединенія церквей нынѣ состоитъ не столько въ догматическихъ разностяхъ, сколько въ политическомъ вмѣшателствѣ. Даже царь не въ силахъ подавить послѣднее». Видите, господа, что въ настоящее время препятствуетъ соединенію римской и нашей русской церквей? Это — нынѣшнее правитель-

as everyone knows, chiefly of Italians, and these in large part from Southern Italy. From the very nature of the case they look at everything from a provincial and Italian point of view: they cannot put off the characteristics of their race, their nationality and their Italian training. It is not a question now of the Pope, but of the Cardinals and monsignori who reside in Rome and the other humbler members of the Congregations.... The question is not of the jurisdiction of the Pope, but the jurisdiction of the Curia, of the black pope and the red pope, and of the little popes of every colour and shape, who administer the affairs of the Church with an arbitrariness and tyranny that the Popes themselves, owing to their more serious responsibilities, would not think of.

“These counsellors of the Pope are often not those whom he would prefer, but an inheritance from one or more previous administrations. These not infrequently advise him in their own interests and not in that of the Church; and they sometimes by indirection obstruct and thwart his policy; and they are especially hostile to any and every kind of reform.” (*Church Unity*, p. 422).

Such is the severe verdict of an American Protestant on what an American Catholic praises as ideal.

But no; before asking the Churches for their submission, the Roman Church itself must abandon its errors and give up perfectly groundless claims. And the Roman clergy must be kinder in their relations with the members of other Christian confessions and juster in their views of their own confession. Among those who believe in Christ, there is no division into fine clay and common clay. This must be especially remembered by those in Holy Orders, to whom it is said: Let priests clothe themselves in truth. The priest must express in everyday life the love of Christ and the ideas of eternal truth. He

ство наше. Не будь этого правительства, или будь оно у насъ другое, предъ вами въ теперешнюю минуту стоялъ бы, пожалуй, вашъ покорный слуга, но не какъ русскій православный епископъ, а какъ римо-католическій прелатъ.

Но кто же правъ въ своихъ отзывахъ о нашемъ русскомъ правительствѣ — кардиналъ Ванутелли или авторъ этой газетной замѣтки? Кому вѣрить? Мнѣ остается просить васъ вѣрить кардиналу. Я одно могу сказать вамъ, господа, — что во главѣ того министерства, противъ котораго направлены стрѣлы этой замѣтки, стоитъ въ высшей степени корректный, честный, глубоковѣрующій и всѣми признанный великаго государственнаго ума человекъ. «Столыпинъ» теперь у насъ нарицательное выраженіе русскаго ума и русскаго благородства, синонимъ справедливости и твердости въ словѣ и дѣлѣ. Если что онъ дѣлаетъ, то дѣлаетъ это и такъ потому, что такъ дѣлать требуетъ законъ. Онъ не позволитъ ни переступить законъ, ни нарушить его. И вы, господа, живущіе въ странѣ, гдѣ въ полномъ объемѣ соблюдается правовой порядокъ и въ большомъ уваженіи и строгости содержатся дѣйствующіе законы, прекрасно понимаете, какого дѣятеля государственнаго имѣетъ Россія въ лицѣ министра Столыпина.

Манифестомъ 17 Октября 1905 года провозглашена у насъ въ Россіи свобода совѣсти и наше законодательство взяло подъ свою охрану всѣ существующія у насъ вѣроисповѣданія. Впрочемъ, у насъ и раньше было предоставлено свободное отправленіе своей вѣры всѣмъ и право это простирается не только на христіанъ, но и на евреевъ, магометанъ и язычниковъ. Но такъ какъ русское государство находится въ единеніи съ православною церковью, откуда получается великая правственная сила русскаго народа, то на нашемъ правительствѣ и съ признаніемъ свободы совѣсти лежитъ особое попеченіе о православной церкви, которая продолжаетъ сохранять свое первенствующее и гос-

must always do this, whether he addresses his congregation, or speaks privately, whether he writes learned treatises or short notes for a newspaper. It is regrettable that we, the Russian Orthodox, cannot say that the Latins have always been at least impartial in their relations with us, or their spoken opinions about us.

I shall not either accuse or attack anyone. This is not our specialty. Our lot is always merely to defend ourselves. I shall allow myself, for the present, only a few words of explanation.

Last December, I was in Canada and visited Montreal. There, I had occasion to talk with the Russian Consul General, Mr. Struve, who told me that, during the Roman Catholic Jubilee festivities in Montreal, he met Cardinal Vanutelli, and heard from him words of warm gratitude to the Russian government for its invariably perfectly correct attitude towards Russian Roman Catholics. When the Consul asked whether he might communicate these words to the Russian Government, the Cardinal answered: "Do, please." The Consul wrote this in a letter to Russia.

In Russia, we are all of the opinion that a person in Holy Orders must be believed, and our Montreal Consul, who is a profoundly religious man, respectfully received the words of the Cardinal, who is a prince of the Roman Church, and transmitted them to his government. But how great would be his disappointment, if he read what I have read in one of your Philadelphia papers, *The Catholic Standard and Times*, in a note entitled "Catholic Clergy Persecuted in Russia." It is persecution by our government which, according to this note, prevents the union of the Churches. The actual obstacle to the union of the Churches is at present not so much dogmatic difference as political interference. Even the Tsar is not strong enough to crush the latter. So, gentlemen, you see what prevents the union of the Roman and

подстѣвающее положеніе, признанное за нею нашими Основными Законами.

Въ 1907 году я специально изучалъ по докладамъ нашего министра внутреннихъ дѣлъ, П. А. Столыпина, вопросы объ отношеніи нашего государства къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ, объ иновѣрныхъ и инославныхъ обществахъ, о переходѣ изъ одного исповѣданія въ другое и пр., и я глубоко скорблю о томъ, что въ моей памяти полностью не сохранилось содержаніе этихъ министерскихъ докладовъ, которыхъ у меня сейчасъ нѣтъ подъ руками. Не имѣя ихъ, я лишенъ возможности наглядно, такъ сказать, показать вамъ преданность нашего правительства нашему православію и справедливость въ отношеніяхъ его къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Тѣ случаи, которые, по мысли автора замѣтки, говорятъ о репрессіяхъ нашего правительства по адресу римо-католиковъ, намъ, знающимъ дѣйствительное положеніе вещей, говорятъ только о томъ, что римо-католицизмъ желалъ бы развивать энергію въ сторону прозелитизма въ нашей странѣ, имѣющей православную святую апостольскую спасительную вѣру, но эта энергія находитъ себѣ преграду въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, и въ этомъ смыслѣ наше правительство дѣйствительно является препятствіемъ къ соединенію церквей, къ тому соединенію, котораго, быть можетъ, желали бы римо-католики, но котораго не можемъ желать мы.

Да и не у насъ однихъ, по словамъ той же замѣтки, «папскіе указы необязательны, пока не получаютъ санкціи свѣтскаго правительства. То же наблюдается въ Германіи, Австріи и Венгріи. И тотъ же самый принципъ время отъ времени примѣняется и въ другихъ странахъ». Почему? Очевидно, потому, что Ватиканъ привыкъ къ религіи примѣшивать политику. У насъ въ Россіи доселѣ еще кто католикъ, тотъ полякъ. Русскій, принимая въ польскомъ краѣ или около него римо-католицизмъ, теряетъ свою русскость. Можно было бы указать вамъ въ польскомъ

the Russian Churches. It is our present government. If there were no such government, or, if it were different, it is probable that at the present moment your obedient servant would be standing before you, not as a Bishop of the Russian Orthodox Church, but as a Roman Catholic Prelate!

However, who is right concerning the Russian government? Is it Cardinal Vannutelli, or the author of this newspaper note? Whom are we to believe? I must ask you to believe the Cardinal. I can tell you one thing, gentlemen: at the head of the ministry against which the arrows of the above-mentioned note are directed, there stands an upright man, who is honest and profoundly religious, a man with the mind of a great statesman, as is universally acknowledged. His name, Stolypin, has become a common name, conveying the idea of Russian intellect and worth, a synonym of justice and firmness in word and deed. Whatever he does, he does because the law ordains it. He will allow no overstepping or breach of law. And you, who live in a country where legal order is fully observed, and the law is kept with firmness and respect, will be well able to understand what a statesman Russia has in the person of Minister Stolypin.

The Manifesto of October 17, 1905, proclaimed freedom of conscience in Russia, and the law took under its protection all the religious bodies that exist among us. However, even before that in our country everyone had the right to the free exercise of his faith, and this right applies not only to Christians, but also to Jews, Mahometans and heathens. But, as the Russian monarchy is united to the Russian Orthodox Church, from which is derived the great moral power of the Russian nation, there rests on our government, even since the proclamation of liberty of conscience, the duty of a special care for the Russian Orthodox Church, which continues to possess its right of priority and predominance always guaranteed to

краѣ не сотни, а тысячи знатныхъ, теперь польскихъ, а бывшихъ еще недавно русскими, фамилий. Но достаточно указать на Холмскій вопросъ, который очень интересуетъ и нѣкоторыхъ изъ васъ. Вопросъ этотъ не есть результатъ политики и замысловъ русскаго правительства и епископа Евлогія, какъ утверждаютъ поляки, а результатъ политики ихнихъ, польскихъ ксендзовъ, отъ которыхъ епископъ Евлогій только защищаетъ русскихъ людей. Если бы вы послушали епископа Евлогія, вы бы узнали сущность этого вопроса, природу и, такъ сказать, внешнюю физиономію его. Я разъ бесѣдовалъ съ преосвященнымъ Евлогіемъ въ Петербургѣ на эту тему, вѣдучи съ нимъ на одно изъ собраний, и бесѣда эта, въ особенности конецъ ея, навсегда останется въ душѣ моей. На плечи этого епископа взвалили тяжесть, въ видѣ этого вопроса, римо-католики, стремящіеся устроить то соединеніе церквей, которому, по словамъ указанной газетной замѣтки, мѣшаетъ наше правительство. Римо-католики — поляки, въ томъ Холмскомъ краѣ, желали бы соединиться съ православными русскими путемъ полного національнаго и религіознаго порабощенія послѣднихъ. Къ несчастью для нихъ, въ Холмъ былъ назначенъ такой доблестный ратоборецъ за интересы русскаго народа, какъ нашъ русскій православный епископъ Евлогій, который вскрылъ подошлеку римо-католическихъ вождельній въ томъ краѣ. Открылись и были выявлены на свѣтъ Божій такія средства и такіе способы, которыми римо-католики устроили это «соединеніе церквей», въ возможность примѣненія которыхъ трудно вѣрить, по примѣненіе которыхъ такъ же несомнѣнно, какъ то, что это я сейчасъ говорю вамъ. Я не стану говорить вамъ объ этихъ способахъ и средствахъ самъ отъ себя, такъ какъ мнѣ было бы весьма больно, если бы кто либо изъ васъ даже подумалъ, что я при мысли о такомъ «соединеніи церквей» переживаю нѣсколько повышенную температуру и не излагаю обстоятельства дѣла съ достаточной объективностью. Послу-

it by our fundamental law.

From the Reports of the Minister of the Interior, P. O. Stolypin, in 1907, I made a special study of the attitude of our government toward the various creeds, the various communities which follow a different religion or a different confession, and of the change from one to another and so on; and I am extremely sorry that my memory has not more precisely preserved the contents of these ministerial reports, which I have not at present at hand. This deprives me of the opportunity to demonstrate to you in a graphic way, so to speak, the devotion of our government to the Russian Orthodox Church, and its justice in its relation to other creeds. The instances which the author of the note in the Philadelphia paper takes for repression of the Roman clergy by our government merely inform us, who know the true state of affairs, that Roman Catholicism is seeking to turn its energy in the direction of proselytizing in our country, which has a Holy Orthodox and salutary faith of its own, and that this energy finds obstacles in certain acts of the government. In this sense, our government is truly an impediment in the path of the union of the Churches, which is more or less desirable for Roman Catholicism, but wholly undesirable for us.

It is not among us alone that this condition of things obtains, according to the same newspaper note. Papal edicts are not obligatory until they are sanctioned by the civil government. The same thing is to be observed in Germany, Austria and Hungary; and the same principle is applied in all these countries. Why? Evidently because the Vatican is in the habit of mixing politics and religion. In Russia, up to the present, a Roman Catholic is likely to be a Pole; a Russian who becomes a Roman Catholic, in Poland or its vicinity, loses his Russianism. In Russia, we could point to not hundreds but thousands of families, who were Russian not

шайте, что передаетъ объ одномъ ихъ этихъ способовъ современный знаменитый нашъ писатель Меньшиковъ. Безусловная фактическая обоснованность сообщаемого имъ говорить, что мы имѣемъ дѣло не съ анекдотомъ, а съ истиннымъ происшествіемъ.

«Всего пять лѣтъ назадъ, говоритъ г. Меньшиковъ, въ русской Холмщинѣ проходили сцены; напоминающія великую эпопею освобожденія Москвы отъ тѣхъ же поляковъ. Воспользовавшись тѣмъ, что власть въ Петербургѣ запаталась, поляки объявили русскому народу въ Холмщинѣ, что православіа больше нѣтъ и всѣ должны принимать католичество. Народъ не повѣрилъ: быть не можетъ, чтобы вся Россія стала католической. Поляки настаивали на томъ, что вся Россія перешла на католичество. Ну, тогда Царь-то ужъ навѣрно остался православнымъ, — говорили мужики. Да нѣтъ-же, и Царь перешелъ въ католичество, — утверждали ксендзы. Нѣтъ на землѣ православія, конецъ ему! Мужики задумались. Въ Иерусалимѣ вестакъ осталось православіе, — твердили они. Да нѣтъ-же, убѣждали поляки: и въ Иерусалимѣ погибло православіе, по всему свѣту сгинуло. Тогда одна старушка вызывается сходить въ Иерусалимъ и дознаться, точно ли погибла святая вѣра Христова и уже нѣтъ на землѣ правды. Старушка сходилла, вернулась и съ восторгомъ объявила, что все — брехня, что живо еще православіе и не измѣнилъ еще Христу Иерусалимъ. Тогда мужики стали дознаваться, точно-ли Царь перемѣнилъ вѣру и не лгутъ-ли паны. Подъ предводительствомъ игуменни Екатерины нѣсколько Холмскихъ мужиковъ тайкомъ отъ поляковъ доѣхали до Петербурга. Добрались до тогдашняго главнаго министра — Булыгина. Народъ темный, мужички пустились на хитрость. Такъ какъ дѣло было на пасхальной недѣлѣ, то они условились испытать министра: похристосоваться съ нимъ (у насъ въ Россіи на пасхальной недѣлѣ православные при встрѣчѣ привѣтствуютъ другъ друга словами: «Христосъ воскрес!» — «Востани-

long ago, and are now Polish. It is enough to mention the Kholm question, in which some of you are also interested. This question is not the result of the politics and schemes of the Russian government or Bishop Eulogius, but a result of the acts of the Roman Catholic Polish priests, against whom Bishop Eulogius protects the Russians of that locality. If you could hear Bishop Eulogius you would learn the essence and nature of this question.

In St. Petersburg, I had a talk with the Most Reverend Bishop Eulogius on this theme, I went to one of the gatherings with him and this talk and especially its end will live for ever in my memory. Roman Catholics, who, according to the note in the Philadelphia paper, are so eager to bring about the union of the Churches which the Russian government opposes, have laid a heavy burden on the shoulders of this bishop, in the form of this question. The Roman Catholic Poles of Kholm would wish to enter into a union with the Russian Orthodox of that place, to the evident national and religious enslavement of the latter. Fortunately for them, Bishop Eulogius, an Orthodox Russian and a courageous fighter for the interests of the Russian people, discovered the lining of the Roman Catholic schemes in that country. This discovery led to the revelation of the ways and means by which the Roman Catholics were preparing for this "union of the Churches." That anyone should wish to use such means, is hard to believe, but that they were employed is as undeniable as that I am speaking to you at this moment. I shall not describe them on my own account.

But listen to what is said of these ways and means by Menshikoff, a well known Russian publicist. The matter of fact tone of his communication is guarantee enough that we are dealing here with no fanciful story, but with a true incident:

"Only five years ago," writes Menshikoff, "scenes took place in the Russian part

ну воскресе!» и трижды цѣлуются). Когда на ихъ привѣтствіе: «Христосъ воскрес!» сановникъ-бюрократъ отвѣтилъ «здравствуйте», они упали духомъ: правы поляки! Измѣнили Православію Петербургъ! Пропали мы! Но мать-игуменья, послѣ невѣроятныхъ мытарствъ, добилаась того, что ее допустили къ Государю и рассказали крестьянское горе. Государь пожелалъ видѣть Холмскихъ крестьянъ. Они явились. Рѣшили и его испытать тѣмъ же привѣтствіемъ. Каково же было изумленіе и безконечный восторгъ ихъ, когда на возгласъ: «Христосъ воскрес!» Царь совершенно внятно отвѣтилъ: «Воистину воскрес!» и поцѣловалъ ихъ по православному обычаю. Они пали на колѣни, зарыдали: жива вѣра! Православенъ Царь! Живъ православный народъ и брешутъ папы съ кеендзами! Успокоенные и умиротворенные послы крестьянскіе вернулись въ Холмщину и объявили радостную, какъ Христово воскресеніе, вѣсть: Православенъ — Царь, православна Россія и живъ Христосъ на землѣ нашей!»

Вотъ какія вещи творятся у насъ римокатоликами, вотъ какого «сединенія церквей» они желаютъ и домогаются и вотъ почему наше правительство мѣшаетъ имъ въ этой ихней работѣ. Они преслѣдуютъ и у насъ вѣроисповѣдной прозелитизмъ и этимъ не привлекаютъ, а отталкиваютъ насъ отъ себя. Но у насъ, впрочемъ, латинская пропаганда не можетъ имѣть особенныхъ успѣховъ и потому еще, что духовенство наше образованнѣе латинскаго и можетъ легко отстаивать свою родную вѣру. Вотъ на нашемъ православномъ Востоцкѣ для римокатоликовъ дѣйствительно имѣется широкое поле. Теперь, напр., они работаютъ въ аннексированной Босніи, которую уже объявили римокатолической страной. Недавно они подняли шумъ, что римокатоличеству угрожаетъ опасность въ Босніи отъ православія. Странное дѣло! На счетъ православія распространили свой римокатолицизмъ и теперь шумятъ, что ихнему вѣроисповѣданію угрожаетъ то-же православіе!

of the Kholm country which remind one of the deliverance of Moscow from those same Poles. Profiting by the difficulties of the civil powers at St. Petersburg, the Poles announced to the Russians at Kholm, that the Orthodox faith no longer existed, and that everyone must become Roman Catholic. The people could not believe that it was possible that all Russia had joined the Roman Church. But the Poles insisted that all Russia had done so. "But the Tsar has surely remained Orthodox?" said the peasants. "Oh, no! The Tsar has also become a Roman Catholic," the Polish priest assured them; "there is no more Orthodoxy; it has come to an end." The peasants considered a little. There must be some Orthodox left in Jerusalem, they repeated. "Oh, no," the Poles assured them; in Jerusalem also Orthodoxy has been destroyed; it has disappeared from all over the world." Then an old woman offered to go to Jerusalem to learn whether it was true or not that the holy faith of Christ has perished, and that there was no more truth on this earth. The old woman went, and returned, announcing, in great delight, that Orthodoxy was still alive and that Jerusalem was not yet unfaithful to Christ. Then the peasants began to investigate, whether it was true that the Tsar had changed his faith, and whether the Polish gentry were not deceiving them. Under the leadership of the prioress Catherine, several peasants of Kholm, went, unknown to the Poles, to St. Petersburg. They succeeded in reaching Bulygin, who was Prime Minister at that time. Being very ignorant, these peasants decided on a ruse. It was Easter week, and they agreed to test the Ministers by giving them the Easter greeting. (During Easter, Russians greet each other with the words "Christ has risen," with the response, "He is risen indeed!" and kissing each other thrice). When, to their "Christ is risen!" the great bureaucrat answered "I wish you good health!" they were greatly depressed

Мы не можемъ признать и мириться съ такими приемами, мы не можемъ признать и желать такого «соединенія церквей». Последнее мы всегда понимали и понимаемъ, какъ братское, полное чистой и искренней любви, равноправное сосуществованіе,—объ этомъ соединеніи мы, православные, всегда молимся, совершенія его желаемъ и въ возможности его, напр., для церквей православной и епископальной, позволяемъ себѣ быть увѣренными. Увѣренность эта болѣе всего основывается на взаимномъ другъ къ другу тяготѣніи нашей православно-восточной и вашей епископальной.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

us!" Comforted and pacified, the peasant ambassadors returned to Kholm and announced the tidings as joyful as Christ's resurrection: "The Tsar is Orthodox; Russia is Orthodox, and Christ still lives in our land!"

Such is the work of the Roman Catholics among us; such is the Church union they are seeking, and this is why our government opposes their labours. Among us, they continue their religious proselytising, by doing which they do not attract, but repel us. However, the Latin propaganda can have no success among us, for the further reason that our clergy are better educated than the Latin priests, and are, therefore, better able to defend their own faith. But as to the Orthodox East, the Roman Catholics truly find a wide field there. Now they are at work in Bosnia, which they recently annexed and proclaimed to be a Roman Catholic country. Of late, they have made a good deal of noise,

and thought: "The Poles are right; St. Petersburg is not faithful to Orthodoxy; we are lost!"

But the Mother Prioress, after incredible trials, gained admission to the Emperor, and told him of the peasants' sorrow. The Emperor determined to see the peasants himself. They came, deciding to try him also with the same greeting. What was their astonishment and boundless delight when, to their "Christ is risen," the Tsar quite distinctly answered: "He is risen indeed!" and kissed them according to Orthodox custom. They fell on their knees and sobbed with joy: "The faith is living! The Tsar is Orthodox. The Orthodox people lives, and the Polish gentry and the priests are deceiving

complaining that in Bosnia, Roman Catholicism is threatened by Orthodoxy. This is, indeed, extraordinary. They spread Roman Catholicism at the expense of the Orthodox Church, and yet they complain that Orthodoxy threatens their Church.

We cannot accept such methods, or be reconciled to them; we cannot accept this kind of Church union or wish for it. We have always understood the latter as a brotherly co-existence with equal rights, full of sincere and pure love. We of the Orthodox Church always pray for this union and long for it, and, as far as the Russian Orthodox and the Episcopal Churches are concerned, we allow ourselves to be quite certain of it.

This assurance rests above all on the mutual attraction between our Eastern Orthodox Church and your Episcopal Church.

(To be continued.)

По Штатамъ и Аляскѣ.

Изъ дорожныхъ впечатлѣній спутника
Его Высокопреосвященства.

Утро Троицы.

Къ «слѣпорожденнымъ», какъ въ академіи нашей называли тѣхъ, которые всѣ утренніе звонки проспятъ, всѣ завтраки провалятся въ постели, да и поднявшись затѣмъ еще часа два на свѣтъ Божій глядѣть не могутъ, — вѣки никакъ разомкнуться не хотятъ, точно у птенцовъ новорожденныхъ изъ гнѣздышка вывалившихся, и зрачки еле-еле чернѣютъ изъ за узенькихъ щелочекъ, — къ «слѣпорожденнымъ» я не принадлежу... Но и мнѣ, охъ какъ не хотѣлось въ это утро отъ одра и сна воздвигаться. А пѣжиться некогда: подите-ка растормошите о. діакона!.. «У насъ въ Курекѣ», да и въ Нью-Йоркѣ, къ службѣ онъ обычай имѣлъ какъ слѣдуетъ «приготовлять-службу... Зовутъ его, не дозвутся: «отче, службу... Зовутъ его, не дозвутся: «отче, шевелитесь! Сейчасъ первый звонъ ударять!»... — «Да вѣдь служить сегодня?» — протестуетъ онъ... — «Ну-да, служить, потому и зовемъ»... — «Такъ дайте же мнѣ по настоящему подготовиться!» — негодуетъ нашъ курекій соловей, потягиваясь во всю длину своей солдатской желѣзной койки...

А тутъ вдругъ, при больныхъ-то ногахъ, да по походному!..

Однако, не прошло и часу, какъ мы, одѣтые и умытые, и на крестъ, что въ окно видѣнь былъ, помолвившись, вышли на улицу. И какъ тяжело было предъ тѣмъ вставать, такъ теперь тяжело было бы закрыть глаза и лечь въ постель. Свѣжій морозный воздухъ сразу вздохнулъ въ насъ бодрость, вялость какъ рукой сняло! Съ откоса горы, на которой мы стояли, разстилалась предъ нами волшебная картина лѣтняго сѣвернаго утра. Изъ за горъ, на верхушкахъ своихъ сверкающимъ снѣгомъ посеребренныхъ, еще не выглянуло солнышко, но уже видѣнь былъ его

царственный путь — въ тонкихъ, прозрачныхъ лучахъ... Внизу — подлая бездна... И кругомъ тишина, тишина... Хорошо-то какъ!.. Далеко по всему берегу — таинственный лѣсъ, и кажется, будто такъ же стоялъ онъ тысячелѣтія назадъ, будто отъ сотворенія міра каждое утро море все такъ же отражало въ глубинахъ своихъ высокія горы, горы возвѣщали сіяніемъ вершинъ своихъ приближеніе царя природы, сосны гѣли сухими вѣтвями беззвучную гѣсеню, и лишь порою орлиное крыло, могуче сотрясая воздухъ, нарушало эту безконечную тишь...

Высокопреосвященнѣйшій Владыка уже дочитывалъ утреннія правила, когда мы принесли ему привѣтъ съ радостнымъ праздникомъ, и чрезъ нѣсколько минутъ, возглавленные Архипастыремъ, направились всѣ мы къ пристани, гдѣ еще съ вечера заказанъ былъ маленькій газелиновый ботикъ, чтобы перевезти насъ на Дугласскій берегъ. Джуно еще не проснулся, и наши шаги гулко раздавались по дощатымъ панелямъ. Никого не оказалось и на пристани. Ботикъ сиротливо прижимался къ ея высокой лѣстницѣ, и на его палубѣ не нашли мы ни одной души человѣческой. Но, для того вѣроятно, чтобы удивить насъ своею Аляскинскою точностью, какъ разъ въ эту минуту изъ за поворота пристани вышелъ «нѣкто въ сѣромъ», олицетворившій въ себѣ всю команду ботика: онъ одновременно что-то куда-то подлилъ, что-то воспламенилъ, что-то повернулъ, что-то подтолкнулъ, что-то открылъ, что-то закрылъ, машина свиснула, — чихъ-чихъ-чихъ — захихала быстрымъ темпомъ, и Джуно — good bye!

А. Х.

(Продолженіе будетъ.)

Редакторъ,

Каедральный Прот. А. Хотовицкій.